

Москва

60

LET

3

2017

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив

журнала «Москва»

3

2017

16+

СОДЕРЖАНИЕ

Владислав АРТЕМОВ. Журналу «Москва» — 60 лет! 3

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Владимир КРУПИН. Почеркушки на память 4

Максим ЕРШОВ. Сумерки. *Стихи* 15

Андрей ВОРОНЦОВ. Последний хеллувин маршала. *Роман. Окончание* 20

Андрей МАНСВЕТОВ. Рожденный в травах. *Стихи* 93

Юрий НИКИТИН. Хепши-энд. *Рассказы* 97

Галина ТАЛАНОВА. Ледяные брызги. *Стихи* 107

«Лето Господне». Третий сезон

Международного детско-юношеского конкурса

имени Ивана Шмелёва: кто победит? 110

ПУБЛИЦИСТИКА

Михаил СМОЛИН. Начала и концы революций 125

Петр МУЛЬТАТУЛИ. Господь ждет нашего выбора 130

КУЛЬТУРА

*К 50-летию первой публикации «Мастера и Маргариты»
в журнале «Москва»*

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Бриллиантовый треугольник Мастера 138

Николай КАЛЯГИН. Чтения о русской поэзии. Чтение двенадцатое 147

Лола ЗВОНАРЁВА. Маленький читатель 175

Алексей ЛЮБОМУДРОВ. «Утилитаризм и плебейство —

вот основы преобразования» 183

Наталья и Лев АНИСОВЫ. Русские художники 189

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Игорь ШУМЕЙКО. Юбилей и литература — два локомотива

нашей истории... 200

МОСКОВСКИЙ ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Рецензии на книги: Александр МЯСНИКОВ. Александр III. —
Павел БАСИНСКИЙ. Скрипач не нужен. —
Клайв Стейплз ЛЬЮИС. Избранные работы по истории культуры. —
Точки отражения: Современный рассказ / Семинар
А.В. ВОРОНЦОВА. — Николай ПОЛОТНЯНКО. Судьба России 204

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Алексей МИНКИН. А что у вас к чаю? Музей? 213

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Николай КАВЕРИН. О католическом влиянии на движение
сторонников «евхаристического возрождения» 225
Священник Валерий ДУХАНИН. Ложные чудеса
и детский крестовый поход 231
Священник Дмитрий ШИШКИН. Благовествование или маркетинг? 237

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Заместитель главного редактора М.М. ПОПОВ (495) 691-71-10

Ответственный секретарь О.И. КИРЕЕНКО (495) 691-83-64

Отдел прозы и поэзии Т.А. НЕРЕТИНА (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Заведующая редакцией М.В. БИКАШОВА (495) 691-71-10

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), епископ ТИХОН (ШЕВКУНОВ),
И.Р. ШАФАРЕВИЧ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Отклоненные рукописи сохраняются в течение года. Рукописи, присланные по электронной почте, не рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 15.02.17. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Тираж 1480 экз. Заказ 865-2017.

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 73253 — каталог РОСПЕЧАТЬ, 15612 — «Пресса России», 45211 — каталог «МАП».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

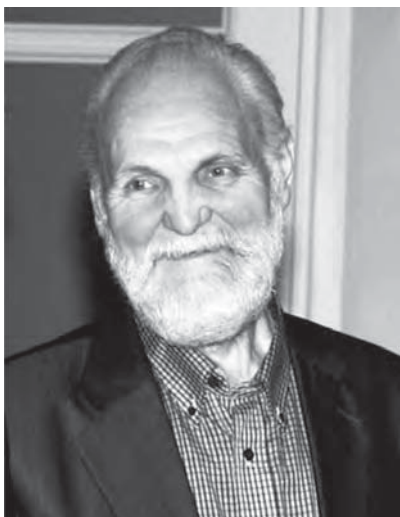
Отпечатано в АО «Красная Звезда». 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. Тел.: (495) 941-28-62, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62. Сайт: www.redstarph.ru; e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

ISSN 0131-2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 3, 2017

ВЛАДИМИР КРУПИН

ПОЧЕРКУШКИ НА ПАМЯТЬ

Владимир Николаевич Крупин родился в 1941 году в Вятской земле.

Окончил Московский областной пединститут в 1967 году. Первую книгу выпустил в 1974 году, но широкое внимание привлек к себе в 1980-м повестью «Живая вода».

Главный редактор журнала «Москва» в 1990–1992 годах. Сопредседатель Союза писателей России. Многолетний председатель жюри фестиваля православного кино «Радонеж». Первый лауреат Патриаршей литературной премии.

Живет в Москве.

Конспект жизни

— Раскулачивали свои, мы с детства знали. Велели имущество на телеги грузить. Я не стал, отошел к дровам, сел. Сами таскают, сортируют. Я отвернулся. Милиционеру потом говорю: «Надо было мне не собирать хозяйство, а пропивать да в начальство идти». Не местный, молчит.

С семи лет вкалывал, на сапоги зарабатывал, печничал, потом механизмы пошли. Любой трактор осваивал. Девушку любил. Говорит: «Я бы за тебя пошла, но очень бензином пахнет, не могу». То есть пробрезговала. А красивая. Да и недолго красовалась: приехал из области щелкопер, соблазнил. Потом приходила: возьми, глупая была. А как возьму, уже у ней сын от того, из области. Оно бы хорошо: парень, помощник, да понаблюдал — нет, не будет работник, весь в папашу. А ее всю жизнь жалко. — Задумался. — Теперь уж жалей не жалей, теперь главная жалость: крыса вставную челюсть стащила, где-то в подполье спрятала и по ночам грызет. Днем лазил — не могу найти. Ночь пришла — опять грызет. Вот какие нынче стоматологи — крысам не по зубам. Мне-то крепко протезы забабахали, а одной девушке так себе. Все равно не зря: хоть на свадьбе поулыбалась.

Энергия — дар Божий

Народный академик Фатей Яковлевич Шипунов много и, к величайшему сожалению, бесполезно доказывал в Академии наук и, как говорилось, в вышестоящих инстанциях необходимость замены источников энергии на природные. Затопление земель при строительстве гидроэлектростанций никогда не окупится энергией. Это поля и леса, пастбища,

рыбная ловля. Что говорить о тепловых станциях: сжигание нефти, угля, дров. И уж тем более расщепление ядра: атомные станции.

— А чем же это все можно заменить?

— Ветер, — отвечал он. — Наша страна обладает самыми большими запасами ветра. «Ветер, ветер, ты могуч», ты не только можешь гонять стаи туч, но и приводить в действие ветродвигатели.

Фатей неоспоримо доказывал великую спасающую ценность ветроэнергетики.

— Как бы мы ни ругали большевиков, но в смысле хозяйствования они были поумнее коммунистов. Восемнадцатый съезд ВКП(б) принял решение о массовом производстве ветроэлектростанций.

Так прямо и говорил — коммунистов. Рассказывал, что в 30-е годы был создан и работал институт ветроэнергетики. И выпускались ветроагрегаты, «ветряки», начиная со стокиловаттных.

— Кстати, тут и мое свидетельство. Наша ремонтно-техническая станция монтировала для села такие ветряки. Бригада три человека. Собирали ветряк дня за три-четыре. Тянул ветряк и фермы для коров и свиней и давал свет в деревню. Работали ветряки прекрасно. Да и просто красивы были: ажурные фермы, серебряные лопасти. Ухода требовали мало. Они же не просили ни нефти, ни газа, ни угля, ни дров, сами — из ничего! — давали энергию.

Думаю, что горло ветроэнергии пережали опять же жадность и злоба. Жадность нефтяных и угольных королей (как же так, обойдутся без них) и злоба к России (как же так, прекратится уничтожение сел и деревень, да и городов; как же так, не удастся прерывать течение рек плотинами, создавать хранилища с мертвой водой), как же это позволить России самой заботиться о себе!

Вывод один: все время второй половины XX века никто и никогда не думал о народе.

И тем более сейчас. Народ просто мешает правительству. Ему нужна только серая скотинка для обслуживания шахт, нефтяных вышек. У этой скотинки желудок, переваривающий любую химию, и ЕГЭ-голова. И два глаза — для смотрения на диктующий условия жизни телеэкран, и два уха — для выслушивания брехни политиков и для лапши.

Ветер бывает не просто могуч, он бывает сокрушительен. Ураганы и смерчи — это же не природные явления, это гнев Божий.

Что ж, давайте дожидаться его справедливого прихода.

Пушкин пишет в «Капитанской дочке»: «Ветер выл с такой свирепой выразительностью, что казался одушевленным». А так оно и есть — ветер одушевленный. «Не хотели по-хорошему использовать мои силы, так получайте по-плохому за грехи ваши. Сила у меня скопилась, девать некуда».

Двухскатная крыша

На севере Вятского края, там, где водораздел северных и южных рек, несущих свои воды или к Ледовитому океану, или к южным морям, стоял дом с двухскатной крышей. В доме жил мальчик — семиклассник Миша. Был хорошим помощником маме и папе, надежным товарищем. Учился хорошо, особенно интересовался географией. Это заметил учитель Павел

Иванович. Давал Мише интересные книги о других странах, о природных явлениях.

— Ты уже знаешь, Миша, что наше село стоит как раз на водоразделе рек. А знаешь ли ты, что именно твой дом, он же на пригорке, именно он может быть указателем раздела? Я вообще думаю сделать табличку, чтобы люди знали это природное явление.

— И на нашем доме прибить?

— Именно так.

— Здорово!

В этот день Миша, вернувшись из школы, остановился перед своим домом и как будто впервые его увидел. Дом стоит окнами к востоку, к восходу, и у него двухскатная крыша. Одна сторона крыши обращена на юг, другая на север. Заходят они в дом с запада. У них в доме солнце весь день. С утра приходит в восточное окно, будит, потом идет по часовой стрелке и вначале, до середины дня, нагревает южную сторону. Вот на ней уже и снега почти нет. После обеда солнце переходит на западную сторону, а северную и вовсе не греет. Вон какие сугробы с этой стороны на крыше.

Было не холодно в этот день. Солнышко светило. Шел мелкий-мелкий снежок, снежинки вспыхивали на солнце, будто крохотные легкие зеркала.

Миша всегда любовался на увеличенные фотографии снежинок. Такие чудесные! Ни за что никому не сделать такие узоры. Только кружевницы как-то успевали запомнить их красоту. В районном музее, куда их класс водили на экскурсию, они видели кружева северных мастериц. Особенно восхищенно любовались ими девочки. Может, и они смогут потом вязать кружева.

Миша глядел на крышу своего дома и видел, как снежинки садились на нее. Вот это да, думал он. Две снежинки летели вместе, а упали на разные стороны крыши, и дальше судьба их разделяется навсегда. Одна растает, побежит вместе с ручейком к реке Лузе, а там к Северной Двине и в Белое море, Ледовитый океан. А другая к реке Вятке, Вятка к Каме, Кама к Волге, а Волга впадает в теплое Каспийское море.

Конечно, рассуждал Миша, есть круговорот воды в природе. Вода испаряется, поднимается, замерзает, кристаллизуется, ее носит ветром, и она опять падает на землю.

К ним в школу приходил батюшка, говорил о воде как о Божием чуде.

— Трудно понять, что такое Святая Троица. Но когда это объяснить на примере из природы, то легко. Вот солнце — Бог Отец, круг. От него идут лучи, как посланники на землю, это Бог Сын. А от них тепло и светло, это Бог Дух Святой. Так же и вода нам поможет. Вода — кровь земли. Колодец, родник, река, озеро — все вода. И вот зима, вода замерзает. Но что такое лед? Это все та же вода в другом виде. А если воду закипятить, от нее поднимается пар, и это тоже вода, водяной пар. Он легко превращается в воду, вода легко замерзает и так далее.

А раз в году, на Богоявление, вода освящается везде, даже в водопроводе. И стоит в сосудах, не портясь долгое время. Но только если налита с молитвой и чистой совестью. Да, вспомнил Миша, бабушка так же говорила. У нее такая банка есть, со святой водой, и она из нее Мише наливала в кружечку.

Назавтра Миша с отцом сбрасывали снег с крыши, с северной стороны. За ночь он отвердел, его легко было резать на большие куски. Они с шуршанием ехали вниз и падали, разбиваясь, на землю. Некоторые куски

Миша специально перебрасывал на южную сторону. Чтобы таяли скорее и текли на юг. Интересно было: снег, составленный из снежинок, умрет, превратится в воду и никогда не вернется?

— Вернется, — весело говорил отец. — Ему наша крыша понравилась. Побудет водой, испарится, поднимется в холод, превратится в снег и айда по розе ветров на север. Как нам без снега? Не в Африке же ему быть. Почему у нас, Миша, реки чистые? Они по полгода подо льдом очищаются. А представь реки Африки, Индии да иди попей из них. Не вернешься.

Они разговаривали о водоразделе.

— Вот повезло нам, пап, да? И табличку Павел Иванович сделает. Что тут раздел вод.

— И что тут живет Миша, который не выучил алгебру. А давай-ка мы новый скворечник соорудим. И старый подремонтируем.

С крыши было далеко видно. Да еще и дом стоял на высоком месте. Далеко на севере синел лес, на юге тоже, но потемнее. А вверх шли облака. Шли, куда повелевал ветер. А ветру кто повелевал? Роза ветров? А розу кто вырастил?

Алексей Ванин

Актер Алексей Ванин, по сути, никогда не был актером, занимался классической борьбой. По всем статьям подходил. Большущий, сплошные мускулы, и одновременно веселый, общительный, начитанный. Завоевал звание чемпиона мира по классической борьбе. И о нем написали сценарий «Чемпион мира». И его снимали в роли чемпиона мира. И он, получается, играл самого себя. То есть не играл — повторял прожитое. Он говорил: «Когда я увидел себя на экране, я так хохотал! Мне казалось, что это не я».

Фильм Шукшина (оба алтайцы) «Калина красная» держится в нравственном смысле образом Петра, брата Любы Байкаловой. Роль играет Алексей Ванин. Не бывший экз Егор Прокудин, никак не решающийся встретиться с матерью, а именно герой Ванина, сильный, спокойный в своей народной правоте, держит уровень русской жизни. Именно он смеет с причала на своем грузовике эту нечисть, эту шпану, убивающую человека, решившего жить нормальной жизнью. Выныривает, садится на кабину затонувшей среди реки машины, и видно, что уверен: свершил нужное дело, а уж как к этому отнесутся всякие власти, это дело десятое. Кинооператор картины Анатолий Заболоцкий рассказывал, что актер заныривал в кабину утонувшей машины и по команде (дергали за леску) выныривал оттуда несколько раз.

Мы были дружны с Лешей с 1979 года, года пятидесятилетия (всегонавсего!) Шукшина. Выступали на Пикете, в колонии, где снимались кадры «Калины красной», купались и в Бие, и в Катунь. В одном месте подъехали к берегу, а в воде торчат бетонные сваи. А ехать в другое место неохота, да и жарница. Леша разделся, говорит: «Я тогда почувствую, что постарел, когда испугаюсь прыгнуть с обрыва в незнакомом месте».

И прыгнул!

И никогда он не постарел. Ему было уже девяносто лет, а он занимался с мальчишками классической борьбой, проводил чемпионаты России.

Находились добрые люди, помогавшие ему. Особенно предприниматель Левашов Юрий Александрович. Помню один такой чемпионат в Подольске. Я ничего не понимаю ни в классической, ни в вольной борьбе, но мне было так интересно и полезно смотреть эти поединки, в которых побеждали сила и ловкость, но никогда не хитрость. За этим, за честностью борьбы, Ванин очень следил.

Наградили победителей, пошли на банкет. Тут надо сказать, что на Лешу всю жизнь вешались женщины. Что называется, было на кого. Он человек открытый, доверчивый, шел навстречу чувствам. В застолье жена его приревновала к девушке, которая явно набивалась во временные подруги. Леша иронично воспринимал знаки внимания, шутил. А жена взвилась: «Немедленно едем!» — «Зачем? Надо же посидеть с людьми, оказать уважение: чемпионат какой провели!» — «Ну и сиди, а я уезжаю. Навсегда! Никогда не вернусь!» И так далее — словом, обычные слова обычной ревнивой жены. «Уезжай», — хладнокровно ответил Леша.

Он посидел еще часик для приличия и засобирался. Пристающей красавице сказал: «Девочка, у тебя и без меня все впереди», — и поехал домой. Дома принял душ, лег в кровать.

Назавтра рассказывал: «Я же алтаец, таежник, охотник: и слух обострен, и чувства. Чую — кто-то есть. Затаился. Жду. Точно! Выползает. Хватаю — она! Вот дура из дур: заревновала до того, что приехала домой и залезла под кровать, чтоб меня подстеречь».

Да, вспоминаю Алексея Ванина — был богатырь во всех смыслах! Девяносто лет, а красавец! Статный, крепкий, в полном сознании. Это Алтай, это Россия.

На старости лет

Писатель — и очень известный — полюбил. Лучше сказать, увлекся. Но увлекся крепко. И хотя отлично, при его-то опыте, понимал, что «не стоит она безумной муки», но, но и но...

Приезжал в Москву, жил у нас. Мы всегда были рады ему, но у меня с ним одно не сходилось: я не мог сидеть ночью, слабел, разговор не подерживал, а он как раз ночью бродил, зато назавтра валялся до полудня.

Сидит роется в своих сумках, ищет лекарства, и громко рассуждает:

— Московские умные шлюхи насилуют знаменитых провинциалов. Готовься писать рассказ о том, как старый, нет, лучше в возрасте человек выдумывает себе утеху и, конечно, обманывается. Но!.. — поднимает палец. — Отметь то, что любит он сильнее, чем та, что — важная деталь — сама признается ему в страстной любви. Он любит сильнее и надежнее. Думает о ней ежечасно и полагает, что и она так же думает. Серьезно думает. Это его идеализм. — Шарит и шарит по сумкам. — Рассказ назови «Вечерний разговор о... например, о Скотте Фицджеральде». Но рассказ о другом. Читатели это любят. Ей надоело уже мое присутствие в мире. Она сейчас, конечно, утешается с другим. А чего я ищу?

— Лекарство ты ищешь.

— Да. Но я его уже нашел. Я ищу носки.

— Прими лекарство, а то опять потеряешь.

— А носки где?

— Я тебе свои дам. Больше ничего умного не говори, а то я спать хочу.

— А лекарство-то где? Ты же не бросишь человека, не принявшего лекарства? Представляешь, ко мне вернулось состояние, что сидишь где-то в людях, что-то говоришь, а думаешь о ней. Ты ложись, ложись, а я посижу, напишу письмо, пока душа полощется. Пусть она изменяет, я буду любить. Любить и лелеять любовь. Душа потом отблагодарит. Подожди, я же книгу ищу. А, нашел носки.

Уходит в ванную, стирает носки, поет:

— Лебединая песня пропета, но живет еще эхо любви. — Выходит из ванной. — Как? Эхо живет. А эхо живет?

— Ну, пока звучит.

— Красивость это или нормально?

— Ну, если живет, конечно, нормально. Хотя вообще все это у тебя с ней ненормально.

— Но меня недолюбили! — восклицает он. — Отца не было, мать на работе, девчонок боялся. Одиночество полное! От одиночества стал писателем.

— Так одиночество для писателя это норма. Без него ничего не напишешь. Я ж тоже все время рвусь в деревню.

— Это поверхностное — бег от семьи в деревню или там на дачу. Временное уединение. Нет, когда одиночество глубокое, постоянное, настоящее...

— Значит, еще лучше напишешь.

— Как ты жесток! Занавес еще только поднят, а ты уже убиваешь. — Опять начинает что-то переключать в сумках. — Пиши: «В семнадцать лет он еще был хорош, пел песни и разыгрывал из себя знаменитого актера, похотливого старичка, который любил ничтожных актерок. Читал искусственным голосом Толстого и Пушкина: “Барышня, платок потеряли!”, “А Катюша все бежала и бежала...”. Он не знал жизни всех этих мерзавок, которые его обманывали». Хм-хм! Голос прочищаю. «Я все твержу: я нежно так, я нежно так, — тут повтор, — нежно та-ак тебя люблю-у». Тут снова надо спеть повтор. Она меня хотела якобы только увидеть. «Ах, вот вы какой, ах, я прочла ваше ожидание любви, я поняла, что это обо мне, и вот я и пришла». О радость, муза в гости! А получилось вот что. Запиши: «Нельзя быть копией жизни. Литература — это самостоятельная выдуманная жизнь, которая навязывает настоящей жизни правила игры. Деревенской прозе не хватило пары белых усадебных дворянских колонн».

— Да эти дворяне после 61-го года приходские школы уничтожали, чтоб мужики оставались неграмотными. Земские создавали, а из них священников выгоняли. Дворяне! Паразиты и захребетники! — возмущаюсь я. — Дворянская культура! Да она только для них и есть. Французский учили, чтоб слуги их не понимали. Тургенев крестьянку шестнадцати лет купил и сразу ее в наложницы. А перед своей француженкой шестерил. И вообще, все западники такие! А читателей им больше досталось. Да плевать! Все, спать пойду.

— «Судьба решила все давно за нас», — поет писатель и комментирует: — Жуткие слова: «Все решено за нас». Но если судьба — суд Божий, то все правильно. — И на эту же мелодию поет: — «Я душу дьяволу готов прода-ать».

— Но это уже совсем ужас, — говорю я. — Это ты не смей: заступник народный готов продать душу дьяволу за что? За лживую бабенку?

— Вот так и бывает, — говорит он и снова роется в сумках. — Да! Зная, что живем первый и последний раз, что добро было всегда и будет всегда, что зло было, есть, но не будет, попадаем во зло. — Поет: — «Зло появилось точно из-за на-ас. Но в будущем ему не жить!»

— И этих бесовок не будет? — спрашиваю я. — Это вряд ли. Будешь чай? Свежий заварю.

Он бросает на пол найденную книгу:

— Зачем я ее искал? Спроси, зачем я ее искал. А лучше спроси, зачем я ее писал! Может, чтобы именно она прочла и нашла меня? Старичок, думал ли я, — он даже руки вздевает, — что может быть такое сильное наваждение темной силы? Спать идешь? А мне мучиться и страдать? Но я счастливый.

— Счастье в чем?

— Счастье в оживлении работы сердца.

— Работы какой? На эту бесовку? То есть именно она оживляет работу твоего сердца? И ведет к надписи на могильном камне: «Эн-эн погиб не на дуэли, его страдания доели». Объявляю: ухожу спать.

— Какой сон? Тебе счастье выпало — слушать мои откровения. Спать? Продолжу о бабье. У них знания сосредоточены в сумках и сумочках. Поэтому они нуждаются, — пауза, — в носильщиках.

Сходил в коридор:

— Старый еврей рассказывает внукам о поездке в Москву: «Деточки, я жил у очень богатых людей: у них везде горит свет». — «Дедушка, это они освещали тебе дорогу в туалет».

Он садится, немного отпивает из чашки:

— Это ты новый заварил?

— Ты же все равно спать не будешь.

— Думал сейчас, что Бунин это уровень Рахманинова. Я записывал его еще на колесный магнитофон. И тогда же знал наизусть «Таню», рассказ из «Темных аллей». Пересказать?

— Давай. Я подсуфлирую. А знаешь, что в старости он страшно, как и Толстой, матерился? А не Шмелёва, не Лескова, а их возносили.

— Надо сесть и написать работу «О тех, кто долго был забыт». И откликнется родная душа. «Рояль был весь раскрыт, и струны в нем...» Да, осталось верить в рыдающие звуки. Выпью. За Афанасия Афанасьевича. Толстого он переживет. И за Астафьева надо выпить. Это певец искалеченного народа. Не набрался нежности, жил мстительностью к советской власти. Любить ее было не за что, но жить при ней было можно. И надо было жить. Чего не хватало? И мы пожили все-таки! Я ощущаю себя, будто только заканчиваю пединститут и не знаю, что меня ждет.

Опять начинает рыться в сумках:

— Хотел тебе подарить, мне подарили, о зарубежье. Адамович, Иванов, Зайцев, Берберова, Бунин опять же, хоть и матерился. Автор с некоторыми был в переписке, взял их письма, бросил на грядки страниц, пересыпал текстом, и все. Нет, приказчик в начале двадцатого века был выше советского писателя. Цинизм московской критики — это ругань даже не извозчиков, а таксистов. — Подходит к окну. — Запиши: «Как небесны мысли, когда смотришь на вершины ночных язв».

Я уже тоже напился крепкого чая и смирился, что еще придется долго не спать. Он вещает:

— Жизнь надо прожить, чтобы собрать богатую библиотеку. И обнаружить, что она не нужна и что ее выкинут.

— Даже и с пометками?

— С ними еще быстрее. Так что не трудись их делать.

Он понурился, тут же поднял голову:

— Русские писатели в шестидесятые написали правительству письмо о гибели русской культуры. И Шолохов подписал. И на письме, — гость кричит, — была резолюция! «Разъяснить тов. Шолохову, что в СССР опасности для русской культуры нет!» Понял, да? Эта резолюция обрекала Россию. Вот когда погибла советская власть. Почему было не появиться коротичам, вознесенским, войновичам, евтушенкам, почему было не обвинять Шолохова в плагиате, почему было не раздувать непомерное величие Солженицына, убийственное для литературы? Так-то, милый. Одна и та же операция: вырезать, унижить, оболгать лидеров русского слова, внушить дуракам, что по-прежнему мы сзади мировой культуры. Внушили же! Дни нечистой силы стали праздновать!

— Плюнь, не переживай. Русские не сдаются.

И еще прошло время. И опять он приехал. Опять сидим. Но стал он какой-то другой.

— У меня будет страшная старость. Въезжая в нее, я все еще вписывал кое-что в ловеласовский блокнот, а? Хорошее название? Да? А потом что стало? Помни: нельзя иметь дело с бабами и оставлять об этом письменные следы. Баба — это тварь!

— Ничего себе поворотик. Да ты ж в прошлый раз речитативы и арии о ней свершал.

— Тварь! Сняла копии, давала читать, подбросила журналистам. Чтоб развести. Но не будем о ней. — Сидит молчит. Встряхивается. — Будем о нас. Мы, наше поколение, вошли в классику как воры в трамвай: всех обчистили и выдали за свое. Но это было спасительно для классики. Ибо иначе вошла бы в нее шпана и убила бы классику. А мы сохранили. — Берет со стола кружку, протягивает. — Свежий? Нацеди, любезный.

Подходит к окну. Я напоминаю, что в тот раз по его просьбе записал о возвышенных мыслях при взгляде на вершины ночных вязов. Даже небесных.

— Да? Я так сказал? Очень неплохо, очень. Так что и без баб русская литература не пропадет.

Сено в стогу

В случае, о котором я рассказываю, участвовали люди, которые живы-здоровы и могут подтвердить мои слова. Да и с чего бы мне врать.

Как-то в июле, после крестного хода, я был в Советске, это город в Вятской земле, районный центр, бывшая слобода Кукарка. Можно было бы в демократическом экстазе вернуть имя Кукарки, а жители сказали: нет, Советск — хорошее русское слово, будем советскими, а Кукаркой назовем ресторан на рынке. Раньше в Советске была шутка — приедем говорили: «Вы находитесь на дважды советской земле».

Там я остановился у давнего знакомого — врача Леонида Григорьевича. Большое хозяйство, которое он держал, поднимало его с солнышком и

укладывало за полночь. Шли дожди. Леонида Григорьевича больше всего тревожило, что на лугах в пойме Вятки лежит скошенное сено, плохо сохнет, может пропасть.

Назавтра, к вечеру, я собирался уезжать. Это, конечно, огорчало Леонида, все-таки я бы помог. На сенокосе лишней пары рук не бывает. Дети Леонида рвения к метанию стога не проявляли. А мне, сохранившему воспоминания о счастливой поре сенокоса в большой семье, хотелось ощутить в руках и грабли, и вилы. Но что будешь делать — не метать же влажное сено: сгорит, сопреет.

После обеда, накануне, дождь перестал. И хотя солнышко явно загостилось в заоблачном доме ненастья и нас не вспомнило в тот день, потянуло спасительным, проветривающим ветерком. И ночью обошлось без дождя. И утро стояло ясное. Но, по всем приметам, дождь надвигался. Леонид глядел и на север — тучи, и на запад — тучи, вздыхал.

— А на день не можешь еще остаться? — спросил он меня.

— Никак, Леонид, никак. Остается жить мне тута один час, одна минута. Но давай съездим, хотя бы пошевелим, перевернем.

— Бесполезно. Смотри. — Он показал на небо. — Может, помолишься?

А до этого, именуя себя материалистом, Леонид часто втягивал меня в разговоры о религии. Тут я не стал ничего говорить, ушел в дом. В доме у него были иконы, которые остались от матери жены Леонида — Лилии Андреевны. По его словам, теща была набожной.

Вздохнувши, я перекрестился и прочел «Отче наш». Кто я такой, великий грешник, чтобы Господь меня услышал! Но так хотелось помочь хозяевам, особенно Лилии Андреевне, которая по болезни не могла сгребать сено, но прямо слезами плакала, что если не будет сена, то придется телочку Майку пустить под нож. «Не переживу, — говорила она, — не переживу, если будем убивать Майку! Такая ласковая, только что не говорит».

Во дворе Леонид возился у своей трижды бывшей и четырежды спитанной «скорой помощи».

— А кто еще поможет метать?

— Брат двоюродный Николай Петрович, жена его Нина, ты, я — четверо на стог. Нормально?

— Нормально. Поехали. Не будет дождя.

Леонид расстегнул куртку, перетянул широкий ремень-бандаж на животе — мучился с грыжей, — поглядел на меня, на небо и пошел звать Николая Петровича с женой.

Николай Петрович много не рассуждал. Сел в кабину рядом с Леонидом и скомандовал:

— Заводи... глаза под лоб.

Когда спустились к Вятке, проехали вдоль ее прекрасных берегов и достигли огромной поляны, которая была выкошена тракторной косилкой. Когда я осознал, что все это скошенное пространство надо нам сгрести, стаскать волокушами, сметать, то подумал, что пришел последний день моей жизни. Надо запомнить напоследок красоту вятской родины, подумал я.

Молчаливая жена Николая Нина уже тихонько шла впереди, сгребая первую волну влажноватого сена. Но я заметил, что двигалась она хоть и медленно, но непрерывно. Глядишь — она тут, а посмотришь — уже там. Николай, ее муж, человек огромного роста, работник был невероятной мощи и производительности. Он орудовал граблями почти в метр шири-

ной и с ручкой метра в три. Мое восхищение подстегивало его. Обошли поляну раз. Обошли, под запал, и два раза. Солнце наяривало во всю мощь. Но жара была тревожной, душной, земля парила.

— Бесплезно, — в отчаянии говорил Леонид. — И нечего даже мечтать. Смотрите, со всех сторон затаскивает.

И точно. Уже и солнце с трудом стало прорываться сквозь рваные, темные тучи, уже мелкие капли упали на запрокинутые лица.

— Копнить! — скомандовал Николай и побежал к машине за вилами.

Бегом-бегом скопнили. Дождика не было, но и солнца тоже.

— Поехали, — обреченно сказал Леонид. — Когда посуше будет, копы развалим, просушим...

— Как Бог даст, — впервые подала голос Нина.

— Леонид, — спросил я, — вот мы в эти дни все вели богословские диспуты. А вот конкретно: если сегодня поставим стог сухого сена, ты поверишь в Бога?

— Да как же ты поставишь? — Леонид прямо вытаращился на меня.

— Не я, а мы все вместе. Так как?

— Смечем — поверю.

Сверкала водяными жемчугами наша поляна, стояли темные, тяжелые копы. Небо вокруг хмурилось. Над нами еле-еле расчистилось светлое, высокое пространство. Пришел ветерок, стало выглядывать и греть солнышко. Для начала мы не стали раскидывать копы, а сгребали остальное сено. Потом развалили, разбросали и копы. Мы с женой Николая черенками грабель шевелили сено, растеребливали его сгустки. Леонид и Николай готовили остожье, ставили стожар.

Пообедали. На небо боялись даже поглядывать. Громыхало на западе и слегка посвечивало отсверками далеких пока молний.

Стали метать, выбирая просохшее сено. Потом неожиданно обнаружили, что оно все сухое, можно грести подряд. Сено уже не шумело, а шуршало под граблями. Носилками мы стаскали сено с дальних краев поляны, валили под стожар. Стог настаивал Леонид. Нина подтаскивала сено и подгробала.

Как только у Николая терпели вилы, непонятно. Он пообещал Леониду похоронить его в стогу вместе с сеном, но Леонид, несмотря на грыжу, был так ловок, что распределял наши навильники равномерно по окружности растущего на глазах стога.

Пошли на вторую его половину. Гремело все сильнее. Забежали бегом. Однажды, внезапно оглянувшись на Нину, я увидел, что она торопливо перекрестилась.

Стали очесывать, ровнять бока. Очесанное кидали Леониду. Стог становился огромен. Чисто выгребенная поляна светилась под лихорадочным, торопливым солнцем, как отражение чего-то небесного.

Дождь, было видно, шел везде — и у Вятки, и за Вяткой, и на горе, в деревне. Не было дождя только над нами.

Николай подал Леониду вицы — заплетенные петлей березки, которые Леонид надел на стожар и по одной из них спустился. Он даже не смог стоять на ногах, так и сел у стога. Сели и мы.

И тут пошел дождь.

— Ну, крестись, — сказал я.

Леонид только судорожно хватал воздух, растирал ладонью заливаемое дождем лицо и все кивал и кивал. Наконец прорезался и голос.

— Да, — говорил он, — да, да, да!

Пахать трудно

Видно, нечего было делать Толстому — двенадцать раз «Войну и мир» переписал. Нет чтобы Софье Андреевне по хозяйству помочь. Вообще, меня умиляют эти разговоры и исследования о «работе над словом». Всегда преподносится, что эти зачеркивания, вписывания, дописывания — основа познания тайны писательства. Глупость все это. И преувеличивание писателями своей профессии. У «Серапионовых братьев», кажется, было даже такое полумасонское приветствие: «Здравствуй, брат, писать трудно». Это какое-то кокетство. Трудно, так и не пиши. Тракторист трактористу: «Здравствуй, брат, пахать трудно». Землекоп землекопу: «А копать-то, брат, трудно».

Вот он дюжину раз переписал, а несколько сотен ошибок в описание войны вляпал. Ему на них тогда еще живые ветераны Бородинской битвы указывали. Но что до того графу. Он же творец. «Я так вижу». Да и некогда ему, ему уже «пахать подано».

В доработке есть тот момент, когда она не улучшает, а начинает портить вещь. И то можно, и то нужно сказать, а вещь разбухает. И все вроде важно.

По объему охваченных событий «Капитанская дочка» больше, чем «Война и мир», а по тексту меньше раз в десять–пятнадцать. А ведь как можно было расписать детство и отрочество Петруши, Пугачева в Европе, созревание для падения души Швабрина, вояк Оренбурга, царский двор, детство Маши Мироновой. Уж она-то бы не вляпывалась в лайф-стори, как Наташа Ростова, а Безухов что под ногами мешается на Бородино?

Великого рецепта жены коменданта, Василисы Егоровны, нет во всем Толстом. Вот он, этот рецепт спокойной жизни и совести: «Сидели бы дома да Богу бы молились». Но и ее великий пример верности мужу и Отечеству оболгал вскоре Белинский, назвав «глупой бабой».

Все-таки литература и горделива, и самолюбива, много из себя воображает. Но бывало время, когда она могла и «Богу и людям служить». Даст Бог, еще послужит.

МАКСИМ ЕРШОВ

СУМЕРКИ

Лирические сны

В лимонном свете, в тени бокала
мерцали кольца, мерцали стекла.
Луна по краешку тьмы шагала —
смеясь над нами, почти издохла.

И мы смеялись мерцанию в лицах
и тьму наполнили сладким дымом,
и пульс крылатый не смел садиться
на край — на простынь к двоим — любимым.

Срываясь в пропасть, бывают грубы
птенцы и дети, чей голос робок.
И вязнут пальцы, и вязнут губы
в плену горячих татуировок.

И жизнь — смиренный свой вздох подарит.
На пульс крылатый умножив регги,
впадаем в море, куда впадают
и все другие земные реки...

Максим Сергеевич Ершов родился в 1977 году в Сызрани Самарской области. Окончил Сызранский политехникум по специальности «техник-механик», учился в Литературном институте имени А.М. Горького по специальности «поэзия» (семинар С.Ю. Куняева). Поэт, критик.

Стихи публиковались в журналах «Русское эхо» (Самара), «Москва», «Наш современник», «Юность», в газете «День литературы», в антологиях «Сызрань литературная». Стихи автора вошли в двухтомник «Большой стиль» журнала «Москва» (2015) и альманах «Антология поэзии» (2015).

Автор книги стихов «Флагшток» (2011).

Лауреат журнала «Русское эхо» (Самара) в номинации «Литературоведение».

Член Союза писателей России.

Живет в Сызрани.

Миф

Твоя узда — в Кошечьих руках.
 Твоя мечта утрачена в веках —
 на зеркала печальные разбита.
 Твоя спина холодная в поту.
 Всех казачков, влюбленных в высоту,
 горячий ветер роняет под копыта...

Твой нежный рог уперт Перуну в грудь.
 Бог знает все: где молния — там грусть,
 Он по лицу наотмашь не ударит.
 Скачи, скачи — забудь о стремях,
 пусть в звездный горн поет о временах,
 где сила есть в сердцах у государей...

Люби меня. Я знаю, быть добру!
 Пусть льется свет костра по серебру
 и час пробьет...
 Недолгий постоялец,
 я вижу жизнь и смерть в челе твоём!
 Пускай же с плеч стекает оком
 и на губах чуть вздрагивает палец.

* * *

Эх, шалопаи! Так оказавшись низки,
 как вы изгадили юность, сказать вам впрямь.
 Я, вам готовый тогда воздвигать обелиски —
 даже при жизни, — разочарован в дрянь.

Место ль такое или такое тесто?
 Будучи очень похожими — издаля,
 братцы, мы отличаемся, если честно,
 как горностаи отличается от кроля.

Да, и моя бы жизнь вызывала жалость,
 но вперечёт зубов, вперечёт рыжья,
 парочка или три в ней нашлось/осталось
 зрелых мужчин, которых зову «друзья».

Это седые дяди, пройдохи, кряжи —
 те, в чьем прищуре замер судьбы стриптиз...
 Мы календарь опять уличаем в краже,
 ради которой, собственно, собрались.

Параллели

Я композитор в ритме tempo,
 я озорной гиппопотам,

я приколачиваю небо
к твоим развершимся устам.

Вся сила трансцендентных воинств
мне давит в копчик, словно в стык,
отобразив межзвездный поезд
в моих движениях простых.

И в животе твоём бутоны
плывут в предчувствии стебля.
И стекла ловят обертоны,
и длится жалоба твоя...

Признайся, цепкий сумрак истин:
ты держишь лапой острый кий
затем лишь, что бывает чистым
соединение стихий —
и девы, даже из вертепа,
с полей, из саун, из окон,
как распустившееся небо,
несут улыбки джоконд?..

Я тоже существую в мифе.
Я потускневшая звезда.
Я приколачиваю грифель
к туману чистого листа.

* * *

Человек! Где ты был? Что видел?
Сколько правильных слов сказал?
Далека ли твоя обитель?
Терпеливо ли ждет вокзал?

Ты месил этот день ногами,
шел в него, как цветочек, бел.
За пропущенными звонками,
расскажи, ты сумел — успел?

Ты успешный.
Парфюм отличный.
Воплощенная се ля ви.
Подмигни: всё о'кей?
Наличными
обеспечен кредит любви?

Ай-яй-яй!
Было ясным утро.
Что ж ты хмуришь закаты век?
Погоди.

Посидим минуту.
Пожалею тебя, человек...

Песенка возвращения

Электричка шипит дверьми,
репродуктор гоняет эхо.
Ты вокзал свой на вздох прими,
потому что полжизни ехал.
Над гитарой блестящих рельс —
через мост — и шагай на площадь.
В каждом городе — семь чудес,
а в родном — почему-то больше.

Это сказка, а может, ложь.
Это чудо, а может, шутка.
Но когда на своей сойдешь,
ты постой, озираясь чутко.
Этот город — он был с тобой!
Потому в переходе узком
музыканту на такт подпой,
чтоб монетка звенела с чувством.

А потом — широки шаги,
каблуки донесут устало.
Триста метров — и хоть беги,
поворот — и душа квартала.
Здесь всегда запылен асфальт.
Здесь качает макушкой гибкой
клен — довольный твоей улыбкой.
И тебе ничего не жаль...

Виолончель

Мне нет покоя на земле.
И страха нет во мгле.
Пока есть флаг на корабле
и лампа на столе.
Пока звук вдохновения
меж плит находит щель —
жива виолончель моя,
моя виолончель.

Она мучительна, она
сомнения полна —
гуляет терпкая волна,
вибрирует струна.
Печаль моя прицельная,
опасная качель...

Дыши, виолончель моя,
душа-виолончель!

И если мне не хватит слов,
до дыр пропетых слов, —
орлов не слушай и ослов,
играй, и всех делов!
Всеобщая, ничейная,
как слезы у свечей,
звучи, виолончель моя,
моя виолончель...

* * *

Прости меня. Когда я ехал,
купил хорошеньких гвоздик.
Не ради смеха. Ради смеха —
я с ними пред тобой возник.

Мне так хотелось все увидеть:
лак на ногтях, пробор, отель...
Прости меня. Тебя обидеть
я этим правда не хотел!

Я торопился. Бога ради,
не стой в дверях — вот просто так!
Ведь просто так по полтетради
не пишет ни один дурак...

Ну вот, гвоздика надломилась —
ха! — точно песня за рекой...
Зачем, зачем, скажи на милость,
стоять и греть косяк щекой?

Зачем молчать? Ты будоражишь
меня, как мировое зло!
Возьми меня для антуражу,
держи как девушка — весло.

Да, я ходячая проблема.
И небывалый персонаж...
Но там, где риск, там есть и тема,
а где дилемма — есть кураж!

Короче, я к тебе. С вокзала.
Сырой камзол, холодный нос...

Прости, но ты... ты все сказала,
хоть и не слушала вопрос.

АНДРЕЙ ВОРОНЦОВ

ПОСЛЕДНИЙ
ХЕЛЛУВИН
МАРШАЛА

РОМАН

Барон оспаривает полномочия судей

К очередному заседанию суда, назначенному на 8 октября в Тур-Нёв, прокуроры де Шапельон и де Ливрон не успели свести в письменное обвинительное заключение все многочисленные показания и факты, добытые отцом Жаном и де Тушероном, поэтому Шапельон вынужден был выступить с предварительным устным обвинением:

— Выслушав горькие жалобы присутствующих здесь жителей Нантского диоцеза* и памятуя о том, что, согласно заповедям Божиим и закону, запрещено убивать ближних своих, напротив, следует любить их, как самого себя, мы, Гийом де Шапельон, прокурор Нанта по церковным делам, и Филипп де Ливрон, помощник мессира прокурора Нанта по гражданским делам, уполномочили преподобного отца сеньора Жана де Малеструа, епископа Нантского, и духовное лицо, брата Жана Блуэна, бакалавра, из ордена братьев-доминиканцев, наместника инквизитора, гонителя ересей в королевстве Французском, присланного по поручению Святого апостольского престола, а также благородного и ученого мессира Пьера де Л'Опиталья, президента парламента Бретани и полномочного представителя его высочества герцога Жана V, привлечь к суду духовному и светскому рыцаря, барона и сеньора местности Рец Жюля де Лавалья, сира де Реца, владельца Машкуля, Инграна и других по-

* *Диоцез* (лат. *diocesis* — обитание, проживание) — церковно-административная территориальная единица в католической, англиканской и некоторых протестантских церквях, во главе которой стоит архиерей (епископ или архиепископ).